

ныхъ писателей, его причины и послѣдствія: печальную гибель могучаго таланта. Повторяясь уже не разъ, такой плачевный исходъ лучшихъ талантовъ на Руси,—явленіе, можетъ быть, всегда готовое оказаться на лицо, поддерживаемое нашею добровольною слѣпотою на тѣ отношенія, какія существуютъ или должны существовать между художникомъ и его собственнымъ талантомъ. Поставить одинъ правильный діагнозъ въ данномъ случаѣ—естъ уже нѣкоторое *предостереженіе* молодой талантливости настоящаго и будущаго. Не страшно ли, въ самомъ дѣлѣ, не должно ли приковать къ себѣ всего вниманія будущаго историка нашей литературы то, напр., обстоятельство, что такая высокая и продуктивная творческая дѣятельность, какъ художественная дѣятельность Гоголя или,—еще ближе, гр. Толстого, дѣятельность единогласно отмѣченная общимъ признаніемъ ея высокихъ достоинствъ,—могла, въ конечномъ своемъ результатѣ, свестись къ отрицанію себя самой, къ признанію ея «пустяшности» и «баловства» («романцы и повѣстухи», какъ презрительно провозглашаетъ ее «Исповѣдь»)? Какимъ образомъ оказалось возможнымъ это *solution de continuité*, это искусственное разъединеніе, такой насильственный актъ разрыва двухъ неразлучныхъ частей одного цѣлаго (истинно-художественнаго творчества), изъ которыхъ одна часть—художественные образы, а другая—ихъ дѣйствіе на нашу душу, ихъ воспитательное дѣйствіе, «учительство»?

Какимъ же образомъ это «учительство», этотъ невидимо сопричастующій художественному произведенію и его опредѣляющій коэффициентъ, насильственно отъ него отрываясь, произвольно переносится самимъ художникомъ съ своихъ произведеній (самихъ въ себѣ свою мораль несущихъ) на ту *субъективную*, личную его дѣятельность, гдѣ